

Эта сцена — проба Сун Нуаня, и потому после поцелуя Хань Цзицзину незачем было разыгрывать собственную реакцию. Он тихо вышел из зоны камеры и подобрался к Хэ Жаню, вместе с ним уставившись в монитор.

— Кажется, я начинаю понимать, почему девчонки так безумеют по айдолам. — Хань Цзицзин наблюдал за каждым движением Сун Нуаня в крупном плане, предназначенном именно для него, и в голосе его звучала искренняя зависть. — Как вообще можно быть таким красивым?

Су Чанлэ какое-то время неподвижно стоял на месте, взгляд его потемнел. Потом всё же двинулся следом, и, расслышав эти слова, бросил не глядя:

— Вижуал группы всё-таки. Сам как думаешь?

Шестнадцатилетнему Сун Нуаню когда-то хватало просто пройтись по улице, чтобы выдавшие виды скауты теряли дар речи. А теперь, когда за шесть лет черты лица окончательно оформились, а линия подбородка обрела острую чёткость — и представить страшно, каким оружием он стал.

— Между актёрами и айдолами и правда пропасть. Сколько операций нужно, чтобы так выглядеть... — Хань Цзицзин потёр рукой щеку, потом о чём-то вспомнил, и лицо его скорбно вытянулось. — После выхода «Ограниченных отношений» мои поклонницы-красотницы разбегутся, да? Все пойдут за Сун Нуанем...

Интонация была настолько похоронной, что даже Хэ Жань, не отрывавший взгляда от монитора, не удержался и покосился в его сторону.

Брезгливость в этом взгляде читалась совершенно отчётливо.

Впавший в самобичевание Великий киноактёр Хань понуро опустил голову и изобразил немое рыдание. Из ступора его вывело лишь дежурное похлопывание по плечу от личного ассистента.

— Ваше лицо ещё лет двадцать продержится, думать об этом пока не нужно. Да и «пропасть» здесь совсем не в том смысле.

Су Чанлэ в этот момент явил истинную выдержку владельца развлекательной компании — скривился, смерил Хань Цзицзина взглядом, полным снисходительного сочувствия:

— Это выражение используют, когда хотят укусить айдалов за плохую игру. Ты чего сам в это лезешь?

Такого объяснения Хань Цзицзин явно не ожидал — мгновенно оборвал псевдорыдания, глаза округлились:

— Да ну? А я всегда думал, что это про внешность актёров...

Су Чанлэ закатил глаза и отвернулся — продолжать этот разговор не было никакого желания. Он снова сосредоточился на Сун Нуане, но стоило взгляду добраться до монитора, как Хэ Жань кивнул и скомандовал «Стоп».

— Лучше, чем я ожидал.

Окинув взглядом человека, которого киноактёр Хань притащил в группу, режиссёр кивком подозвал его к себе — уже без прежней неприязни — и указал на несколько моментов, требующих внимания.

Сун Нуань держался перед опытным мастером с искренним почтением: стоял, бережно прижав сценарий к груди, и следил за тем, как Хэ Жань обводит и подчёркивает что-то ручкой. В конце даже поклонился дважды в знак благодарности.

День начался паршиво — ещё на пороге его чуть не сбили с ног. Но актёр, пробовавшийся на роль Чэн Ланя, выступил достаточно хорошо, и это в значительной мере сгладило праведный гнев Великого Хэ.

— Сегодня к работе не приступаем. Вечером выезжаем на новую локацию — будем снимать сцену, где Нин Сюй и Чэн Лань поссорились и Чэн Лань под предлогом съёмок сбегает в другой город. — Он произнёс это так, будто уже принял решение и возражения не рассматриваются.

Хань Цзицзин только что получил нагоняй и ещё не до конца отошёл, но тут в нём неожиданно разыграла совесть. Судьба Су Чанлэ, который только что лично доставил сюда своего возлюбленного и теперь вынужден расстаться с ним, показалась ему жалкой. Он поднял руку, разыгрывая послушание:

— Режиссёр Хэ, ощущение незнакомой обстановки мы можем создать и здесь.

Только что наладившееся настроение Хэ Жаня:

—...

— Если бы ты не умудрился запостить микроблог с геолокацией из чистого раздолбайства, вся съёмочная группа вообще не оказалась бы в этом дурдоме из-за твоих жён-фанаток.

Хань Цзицзин мгновенно сдупся, спрятавшись за спину Су Чанлэ и сделавшись образцом покорности:

— Ничего-ничего, я считаю ваше решение исключительно мудрым.

Хэ Жань — режиссёр с именем, которому таких речей было не счесть. Он не удостоил этот жалкий лепет даже презрительным хмыком — просто повернулся и направился к себе отдыхать.

На полпути, впрочем, остановился, вернулся и тихо напомнил Сун Нуаню: читай сценарий.

Сун Нуань, разумеется, выслушал с опущенной головой.

Великий режиссёр велел сниматься с места к вечеру — Су Чанлэ пришлось похоронить планы на ночную попойку с Хань Цзицзином. С искренним сожалением он объявил, что всё застолье придётся перенести на обед.

Впрочем, Хань Цзицин тут же — с завидной профессиональной сознательностью — громко и на весь зал заявил, что пить до состояния вчерашних дрожжей накануне съёмок категорически не намерен. Голос его звучал так, будто Хэ Жань, ушедший несколько минут назад, должен был непременно услышать.

Генеральный директор Су воззрился на него с невыразимым выражением лица:

—...

— Как ты вырос. — Су Чанлэ с горькой укоризной вздохнул. — Это уже не то беспутство, которое я помню с первых дней знакомства.

— Слушайте, — Хань Цзицин окаменел, — ваш маленький возлюбленный снимается со мной в одном кадре. Вы уверены, что стоит так говорить? Не боитесь, что я найду способ ему насолить?

К тому моменту, как Хэ Жань объявил перерыв, площадка почти опустела. Из оставшихся — только те, кто знал об отношениях Сун Нуаня и Су Чанлэ, да реквизиторы на другом конце зала, занятые своим делом.

Эти люди были тёртые, из породы тех, кто исповедует принцип «меньше видишь — меньше слышишь». Даже если что-то и долетало до их ушей, они бы в лучшем случае мысленно пожали плечами: «В шоубизе всё через пень-колоду» — и продолжили бы заниматься своим.

Тем временем на другом конце площадки новоявленная ассистентка Юй Яньян промокала Сун Нуаню пот — вид у неё был отсутствующий: похоже, девчонке никогда в реальной жизни не доводилось видеть такой внешности. В какой-то момент она машинально сжала его руку.

Жара стояла лютая, на пробе нет смысла строго придерживаться костюма — Сун Нуань, разумеется, не стал надевать пиджак. Юй Яньян была молода, любила красоту и носила длинные затейливые ногти на всех десяти пальцах. Вот эти самые ногти и оставили на его предплечье красные полосы.

Дэн Цися увидел, что Сун Нуань — только что с трудом взявший себя в руки — нахмурился, и тут же заслонил собой Юй Яньян:

— Не вздумай. Она совсем девчонка, не срывайся.

— Блин, это когда я в твоих глазах стал садистом, который обижает молодых девушек? — Сун Нуань скривился, но скорее от смеха, чем от злости.

— С того самого дня, как ты разбил бутылкой по столу рядом с предыдущим ассистентом, — невозмутимо ответил его великий менеджер.

... Сун Нуань подумал и решил, что крыть нечем.

Он потёр ноющие глаза и двинулся к Су Чанлэ — как раз вовремя, чтобы услышать фразу, способную поднять любому давление.

— Попрошу Маленького господина Ханя хорошенько взвесить слова. Сяо Нуань старше тебя на два месяца и дебютировал раньше. Если посмеешь его обидеть — не поленюсь заказать пресс-релиз о том, как ты давишь на старших коллег своей известностью.

Су Чанлэ достал сигарету — когда успел, непонятно — и стряхивал пепел с видом человека, которому весело:

— Я не особо понимаю ваши правила старшинства в шоу-бизе, но устроить тебе несколько недель сетевой травли — дело, думаю, несложное.

— Умоляю, пощадите, я ещё жить хочу. — Хань Цзицзин окончательно капитулировал. — Тогда, может, мне при встрече называть его по-вашему? Снохой или как там правильно?

В процессе ходьбы Сун Нуань слышал весь разговор до последнего слова — и неожиданно для себя споткнулся. Оба немедленно уставились на него.

Су Чанлэ помолчал секунду, потом улыбнулся и поманил его рукой. И не моргнув глазом ответил Хань Цзицину — на вопрос, который вопросом-то был разве что формально:

— У него самолюбие нежное, вряд ли выдержит. Зови, как меня — братом. Хватит.

Хань Цзицзин был на грани нервного срыва. Что не заорал — уже профессионализм:

— Да ты вообще в своём уме?! Я киноактёр, понимаешь — киноактёр! И ты хочешь, чтобы я называл новичка братом?! Какого хрена?!

Бесчувственный Су Чанлэ не издал ни звука в ответ — просто подтянул Сун Нуаня поближе к себе и произнёс с обезоруживающим спокойствием:

— Ты со мной в постели не валяешься, с чего мне тебя жалеть. Иди сюда, Сяо Нуань — считай, это твой младший братец отныне. Не церемонься: хочешь — ругай, хочешь — бей...

Великий киноактёр Хань окончательно тронулся — схватил ассистента за рукав и потащил в зону отдыха. Даже по походке читалась вселенская скорбь.

Су Чанлэ всё равно не успокоился — крикнул ему вслед:

— Попроси у режиссёра Хэ запись пробы Сяо Нуаня, скинь мне.

— Понял, — процедил Хань Цзицзин с нескрываемым отвращением.

Из Сыхуань-юлэ так и не позвонили. Генеральный директор Су, чьи мысли давно дрейфовали в сторону совершенно неприличную, честно говоря, был бы рад ещё какое-то время тихо отсиживаться рядом с Сун Нуанем.

Но человеку с его положением здесь явно не место — даже под предлогом встречи со старым приятелем Хань Цзицзином торчать в съёмочной группе сколько угодно не получится. Су Чанлэ прикинул, что ещё немного — и подозрения возникнут сами собой. Пора сворачиваться.

— К вечеру доберётесь до Жунъяна, раньше полуночи Хэ вас всё равно не погонит. Помойся и выйди на связь. — Он щёлкнул Сун Нуаня по мочке уха — с таким видом, будто уходить было физически больно.

Маленький возлюбленный, впрочем, ни капли не растрогался — нахмурился и отвёл его руку:

— Ладно, иди уже. Тут ещё куча дел не разобрана.

За всю свою жизнь Су Чанлэ ни разу не встречал артиста, который разговаривал бы с ним в таком тоне. Даже несколько месяцев тесного общения так и не убили в нём ощущения новизны. Он покачал головой, пробормотал что-то о нынешней испорченности нравов — и

пошёл искать машину.

— Я тебе искренне восхищаюсь, — сказал Дэн Цися от всего сердца, провожая взглядом удаляющуюся фигуру генерального директора — с чем-то похожим на благоговейный трепет.

Каким бы балаганом Су Чанлэ ни казался в повседневной жизни — он оставался единственным законным наследником семьи Су, хозяевами Жунсюани уже который десяток лет. В первый же год после университета, когда он принял компанию, против него объединились все — и он не моргнув, разобрался с каждым по очереди.

Это уже история давняя, Дэн Цися не претендовал на широту взглядов. Он честно признавал, что побаивается: взгляд Су Чанлэ без улыбки — тот самый, с чуть опущенными уголками глаз — был жутковат сам по себе. И он никак не мог взять в толк, каким образом Сун Нуань умудряется сохранять своё обычное занозистое поведение в присутствии этого человека.

— Спасибо, — отозвался Сун Нуань — к разнообразным вздохам менеджера он давно привык. Похлопал по плечу всё ещё витавшую в облаках Юй Яньян, и без слов, одними губами, спросил: не хочет ли она сбежать вместе с ним, пока Дэн Цися не смотрит.

<http://bllate.org/book/19980/2029189>